

В. Ю. Даренский

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ К. Г. РАЗУМОВСКОГО (ПЕРВЫЙ КАЗАЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ),
МОСКВА, РОССИЯ

Православные поэты советской эпохи: А. Солодовников, В. Никитин, С. Аверинцев, Е. Пудовкина

Аннотация. В статье рассматривается творчество православных поэтов советской эпохи, в частности А. Солодовникова, В. Никитина, С. Аверинцева, Е. Пудовкиной. Сформулирован общий принцип поэтики рассмотренных авторов как принцип преображения души, слова и мира, реализующийся через молитвенно-исповедальное слово. Особенность возрождающейся в XX веке православной поэзии состояла в первую очередь в том, что она стремилась к максимальной непосредственности, незамысловатости и первозданности и поэтому сознательно преодолевала «литературность», особенно навязчивую для людей XX века. В свою очередь, анализ показывает, что именно благодаря этому стремлению к первородности слова оно вдруг оказывается далеко не таким простым, как кажется на первый взгляд. Оно несёт в себе не только глубинные смыслы самой православной веры, но и глубинную традицию христианской «книжности» в хорошем смысле этого слова — живой преемственности с текстами предшественников

не только вплоть до древнерусского и византийского наследия, но и стремление воспроизводить дух самого евангельского слова, насколько это вообще в человеческих силах. Литературное творчество для православного человека оправдано и полезно только в том случае, когда оно является частью его духовной работы над собой и передаёт опыт этой работы и другим людям. Это работа преображения души благодатью Божией, зафиксированная в слове. Духовная поэзия традиционна не только по содержанию, но и по форме — она ориентирована как на свой образец на классическую поэзию XIX века. Если же она отходит от этого образца — то не в сторону модернизма XX века, а, наоборот, в глубокую архаику первых веков христианства, иногда и прямо ориентируясь на строй евангельского слова и на канонические церковные песнопения. Это закономерно, поскольку разрушение классического поэтического строя речи в XX веке было следствием секуляризации — обезбоживания мира и языка. Соответственно, обратный процесс неизбежно стал возрождением стиля классической поэзии и даже ещё более ранней — церковной.

Ключевые слова: православие, поэзия, А. Солодовников, В. Никитин, С. Аверинцев, Е. Пудовкина

Для цитирования: Даренский В. Ю. Православные поэты советской эпохи: А. Солодовников, В. Никитин, С. Аверинцев, Е. Пудовкина // Ортодоксия. — 2023. — № 2. — С. 136–169. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-136-169

Глас вопиющего в пустыне: приготовьте
путь Господу, прямыми сделайте стези Ему.
Мк. 1:3

Советский период русской поэзии был очень разнообразным по своему содержанию. Несмотря на официальный атеизм государства, многие поэты 1920–1930-х годов, воспитанные ещё до 1917 года, часто использовали христианскую образность. Впрочем, эта образность уже не была прямым исповеданием веры, но использовалась в качестве художественной символики, часто далеко не в каноническом смысле (классическим примером здесь может служить Н. Клюев). Уже у более поздних поколений поэтов этой образности почти нет. Вместе с тем одновремен-

но в «подпольной», неофициальной поэзии этого периода с 1950-х годов начинается христианское возрождение. «Знаковыми» здесь стали стихи из романа Б. Пастернака «Доктор Живаго». Однако сам Б. Пастернак был неопитом, вернувшимся к христианской вере перед самой смертью и мало знакомым с православием. В его стихах из романа остаётся светская стилистика, в рамках которой пересказ евангельских сюжетов теряет естественность. Например:

Когда на последней неделе
Входил Он в Иерусалим,
Осанны навстречу гремели,
Бежали с ветвями за Ним.

А дни всё грозней и суровей,
Любовью не тронуть сердец,
Презрительно сдвинуты брови,
И вот послесловье, конец...

(Пастернак 2004: 543).

В такой стилистике можно писать о романтическом герое, но не о Спасителе. Также стилистически далеки от духа евангельского текста и поэты советского «андеграунда» 1960–1980-х годов, которые были неопитами и писали на библейские темы. Творчеству этих поэтов посвящены диссертации Б. Ф. Колымагина и Н. А. Котовой (Колымагин 2019; Котова 2008). Кроме того, многие авторы, которые рассмотрены в этих диссертациях, не были воцерковлёнными, а художественный уровень их текстов весьма сомнителен. К числу христианских поэтов иногда относят И. Бродского, который называл себя христианином только в культурном смысле, но не по вероисповеданию. Стихи И. Бродского на библейскую тематику, как правило, имеют «игровой» характер и не являются текстами религиозного человека. Среди них имеет художественную ценность лишь «Сретение» (1972).

Как в своё время писал Ю. Шрейдер, «духовная поэзия — это не эстетическое выражение личной связи с Богом, но поэтическое средство осуществить эту связь. В духовной поэзии эстетический момент не самоценен, но служит тому, чтобы облегчить адресату вхождение в молитвенное состояние» (Шрейдер 1990: 43). В духовной поэзии поэт занимает

позицию не «творца», эстетизирующего действительность, конструирующего свой собственный мир, но «свидетеля и участника по отношению к жизни, воспринятой как Таинство... Он — участник ежечасного чуда Преображения земли, человека Духом Святым» (Меркулова 1992: 98). Вместе с тем поэзию делает поэзией именно поэзия, то есть художественность текста, независимо от его конкретной тематики. Поэзия возникает как особый эффект гармонического контраста (как в самой жизни, так и в тексте); в тексте же поэзия возникает как семантический резонанс между отдельными его элементами (Даренский 2012). С другой стороны, семантический резонанс всегда возникает и в молитвенной речи, которая поэтому уже сама по себе поэзия. Однако простая запись молитвенной речи ещё не создаст стихотворение — оно создаётся по своим особым законам поэтической речи. Тем самым христианский поэт выполняет парадоксальную работу: то, что является поэзией уже по самой своей природе, он делает поэзией по форме высказывания.

Зачем это нужно? Нельзя ли аскетически ограничиться одной только молитвой без обращения к литературному творчеству? Для многих людей лучше ограничиться, поскольку создание текстов есть повод к росту человеческой гордыни. Литературное творчество для православного человека оправдано и полезно только в том случае, когда оно является частью его духовной работы над собой и передаёт опыт этой работы и другим людям. Это работа преображения души благодатью Божией, зафиксированная в слове.

Духовная поэзия традиционна не только по содержанию, но и по форме. Она ориентирована как на свой образец на классическую поэзию XIX века, а если и отходит от этого образца — то не в сторону модернизма XX века, а, наоборот, в глубокую архаику первых веков христианства, иногда и прямо ориентируясь на строй евангельского слова и на канонические церковные песнопения. Это закономерно, поскольку разрушение классического поэтического строя речи в XX веке было следствием секуляризации — обезбоживания мира и языка. Соответственно, обратный процесс неизбежно стал возрождением стиля классической поэзии и даже ещё более ранней — церковной.

Характерно, что интернет-сайт «Песни русского воскресения»¹ из числа поэтов советского периода разместил только С. А. Есенина, А. А. Солодовникова и Н. М. Рубцова. (Есенин представлен в основном

¹ См.: <https://pesni.voskres.ru/> (дата обращения: 07.06.2023).

ранними стихотворениями, поскольку «поздний» Есенин — явный богоборец, хотя у него и оставалось православное мироощущение.) Н. М. Рубцов — лучший русский поэт второй половины XX века, очень глубоко передавший русское православное мироощущение, однако православным поэтом его считать нельзя по ряду причин; в частности, у него нет стихотворений непосредственно на евангельскую тематику, и он не был воцерковлённым человеком. Н. М. Рубцов, бесспорно, относится к классикам русской поэзии, но именно к поэзии православной его отнести не представляется возможным.

Название данной статьи могло бы быть таким, как и название упомянутого сайта, — «Песни русского воскресения». Именно таков смысл православной поэзии советского периода. Целью данной статьи является рассмотрение нескольких ключевых для этой темы авторов, которые были воцерковлёнными людьми, сознательно исповедовали православие и в своём творчестве ориентировались на православную поэтическую традицию. Важнейшим критерием является и качество их текстов — их художественная ценность. Среди православных поэтов, которые могут по этому критерию прочно войти в историю русской литературы, мы выделяем четырёх поэтов советского периода — А. А. Солодовникова, В. А. Никитина, С. С. Аверинцева и Е. О. Пудовкину.

Провозвестником «подпольной» православной поэзии в СССР был Борис Садовской — уникальный автор-универсал (мыслитель, поэт и прозаик), который до 1917 года был «богемной» фигурой из круга А. Блока, но после революции пережил духовный переворот и стал глубоко воцерковлённым человеком с монашеским образом жизни, прожившим много лет в подвале Новодевичьего монастыря. Его творчеству посвящена статья В. Н. Даренской (Даренская 2023).

Ещё более трудный исповеднический путь прошёл Александр Александрович Солодовников (1893–1974) — русский духовный поэт, композитор, прозаик и драматург. Как справедливо отметил первый исследователь его творчества Е. Данилов, «некоторые его стихи по художественной красоте и высокому духовному содержанию можно поставить в один ряд с произведениями классиков русской поэзии»²². А. А. Солодовников по возрасту может быть отнесён ещё к Серебряному веку, но в своей поэтике он был «неоклассиком»,

²² Данилов Е. 2020. Путь русского поэта Александра Солодовникова // Русь триединая. — 2020. — 4 августа. — URL: <http://russtriedin.ru/temy/19-lichnost/650-put-russkogo-poeta-aleksandra-solodovnikova> (дата обращения: 27.05.2023).

ориентируясь на русскую классическую поэзию XIX века, а не на «новые веяния» века XX. Всю жизнь Солодовников главным образом для себя почитал А. С. Пушкина, а также любил А. А. Фета, А. С. Хомякова и Ф. И. Тютчева. Окончив с отличием Императорскую Московскую Практическую Академию коммерческих наук, А. А. Солодовников затем успешно окончил факультет юриспруденции Императорского Московского Университета (1912–1916). В 1917 году А. А. Солодовников служил прапорщиком 2-й батареи 1-й запасной артиллерийской бригады в Москве.

После демобилизации из русской армии в 1918 году А. А. Солодовников был мобилизован уже в Красную армию, но вскоре был арестован и пребывал в Бутырской тюрьме более полугода. Затем он был переведён в тюрьму г. Саратова, из которой освобождён только в 1921 году. После этого работал бухгалтером, в 1923 году женился, имел двух детей, которые умерли в малолетнем возрасте. В 1920-е годы А. А. Солодовников пишет детскую пьесу «Сказка о бедном Кекиле». Эта пьеса неоднократно ставилась во многих провинциальных театрах, в том числе и тогда, когда поэт отбывал срок на Колыме. В 1924 году издательством «Русского Театрального общества» была издана его пьеса «Колька Ступин», которая в течение долгого времени ставилась на сцене 1-го детского государственного театра для детей (позже Московский театр юного зрителя). В 1928 году А. А. Солодовников заключал несколько договоров на издание детских стихов. В том же году в Московском детском журнале «Искорка» (№ 1–3) вышла поэма А. Солодовникова «Два билета вокруг света», а затем ещё несколько его рассказов. В 1937–1938 годах в Московском театре юного зрителя не раз ставился спектакль по текстам А. А. Солодовникова «Ёлка».

В 1938–1939 годах в течение шести месяцев А. А. Солодовников находился под арестом в одной из московских тюрем. Он был временно оправдан и освобождён, но затем в конце 1939 года вновь арестован и в 1940 году осуждён на 8 лет лишения свободы. С 1938 по 1946 год поэт отбывал срок в лагере Магаданской области на Колыме, где работал бурильщиком по добыче олова на руднике ЮЗГПУ им. Лазо в тяжелейших условиях. По окончании срока заключения в 1946 году А. А. Солодовников работал в течение 10 лет воспитателем и музыкальным руководителем в детском саду посёлка Нижний Сеймчан Магаданской области «на принудительном поселении». Только в 1956 году А. Солодовников покинул Магаданскую область и вернулся в Москву, получив извещение о своей реабилитации.

По возвращении в Москву А. А. Солодовников находит свою супругу, и до смерти поэта супруги уже больше не расстаются. А. А. Солодовников продолжал писать стихи — составленные автором и напечатанные им же на машинке стихотворные сборники поэт дарит своим друзьям и близким. Отец Николай Соколов, священник храма Воскресения Словущего на Ваганьковском кладбище, вспоминал: «В конце 50-х годов я впервые познакомился с А. А. Солодовниковым. Это был красивый, пожилой, аристократического вида человек, с коротким белоснежным ёжиком волос и внимательным, добрым взглядом слегка выпуклых серых глаз. Речь его была нетороплива, исполненная некоторого восторженного пафоса. Говоря, он как бы декламировал, подтверждая свои слова плавными жестами красивых рук. Весь его облик говорил о глубочайшей внутренней духовной культуре и интеллекте... Той искренности и боли, звучащих в его стихах, нельзя научиться ни в одном литинституте. Это — свойство души, ума, таланта. Александр Александрович был наделён этими свойствами в высшей степени. Звучала музыка... Мягкий грудной баритон пел:

Пою о Веге,
 о весенней звезде.
Об облачном беге,
 о плывущем льде.
О летящих птицах,
 о соке берёз,
О счастье молиться
 до тёплых слёз.
О свидании с теми,
 куда нет пути,
О том, что время
 Христу прийти...» (Соколов 1990: 101).

Он выпустил самиздатом сборники стихов: «Слава Богу за всё. Попутные песни» (1965) и «Дорога жизни. Путь познания» (1973). Он также написал ноты для своих песен и стихов. Изданный самиздатом нотный сборник «Песни Александра Солодовникова» (1968) включает ноты для многих его песен и пьес. Другой нотный сборник посвящён песням из спектакля «Духи дома». В 1969 году некоторые произведения А. А. Солодовникова были записаны в его исполнении и под его

собственный аккомпанемент на пианино — на фонограмму (на магнитофоне «Днепр»). Было записано 25 его песен, пьеса «Духи дома» и 3 его стихотворения. (В 1998 году была выпущена аудиокассета с этими записями «Александр Солодовников — автор и исполнитель песен и музыкального сопровождения».) 16 ноября 1974 года с поэтом случился тяжёлый инсульт. В тот же день он умер и был похоронен на Ваганьковском кладбище.

С 1988 года наследие А. А. Солодовникова начал исследовать Е. Е. Данилов, который и положил начало их публикации в журналах: «Новый мир» (1989, № 8), «Наш современник» (1990, № 9), «Кормчий» (1996, № 2), «Духовный собеседник» (2000, № 3 и № 4), «Русич» (2004, № 1), «Вера, надежда, любовь» (2006, № 3), альманах «Поэзия» (1990, вып. 56) и др. Вышли в свет исторические очерки А. А. Солодовникова «Сокровища Введенских гор» («Московский журнал», 1992, № 3) и «Ваганьковские светильники» («Духовный собеседник», 2000, № 4). В 2006 году вышло первое собрание его стихотворений «Я не устану славить Бога» — в эту книгу вошли стихи из двух главных сборников автора «Слава Богу за всё» и «Дорога жизни». Книга также содержит биографический очерк и воспоминания о поэте. В 2007 году вышла книга «Александр Солодовников. Стихотворения», а в 2010 году — «Александр Солодовников. В светлом саду христианства». Именно эта книга на сегодняшний день является самым полным собранием его стихотворений. В книгу вошли три сборника стихотворений, пять пьес, нотный сборник к песням, а также воспоминания о поэте и др. К книге приложен диск с аудиозаписями песен в исполнении самого автора.

Исследователь Е. Е. Данилов писал о А. Солодовникове: «Есть люди, называющие его “Тютчевым двадцатого века”. И практически отсутствуют в его творчестве темы “сатанизма”, борьбы сил Антихриста с силами Добра. Его поэзия — светлая и словно осенена крылом Ангела Света... Совсем нет в его поэзии какого-то надрыва, показной жертвенности, хотя, казалось бы, жизнь самого поэта могла бы дать для этого обильный материал. Поэзия Солодовникова — это светлый молебен во славу Господа. Недаром же один из его сборников называется “Слава Богу за всё!”, и не случайно же рефреном одного из его замечательных стихотворений проходит фраза: “Господи, слава Тебе!” Думается, что книга Иова нашла в лице поэта одного из внимательнейших читателей. Именно эти светлые, жизненные и Богоутверждающие начала творчества этого замечательного

русского духовного поэта XX века являются залогом долговечности и нетленности его поэзии» (Данилов 1990: 96).

Наследие А. Солодовникова исследуется уже и в академическом литературоведении, свидетельством чему стала диссертация И. В. Комаровой «Духовная поэзия А. Солодовникова: художественное время и пространство», в которой было отмечено, что этот поэт «вырабатывает собственный “путь познания”: он проходит от Бога к природе, вопреки традиционной, даже в рамках духовной поэзии (о. Роман (Матюшин), схеме... В результате земля преобразается, становится “Ризой Господней”, небо — храмом, сад — раем, лес — лесной пустыней, местом уединения и молитвы» (Комарова 2017: 174). Другой автор уже сопоставляет двух православных поэтов XX века и отмечает: «Творчество Иоанна Шаховского и Александра Солодовникова, на наш взгляд, наиболее адекватно и полно может быть рассмотрено с помощью категории “воцерковлённый тип художественного сознания”», что предполагает создание «особой картины мира, выстраивающейся по конкретным догматическим правилам православной жизни» (Золотых 2013: 144).

Как писал о Солодовникове о. Николай Соколов, «из уст его звучит гимн благодарения за всё пережитое:

Решётка ржавая, спасибо,
Спасибо, старая тюрьма!
Такую волю дать могли бы
Мне только посох да сума...

Уж я не бьюсь в сетях словесных,
Ища причин добра и злу,
Но чую близость тайн чудесных
И только верю и люблю.

(Из цикла «Житейское море: пять тюремных стихотворений») ... Его поэзия очень автобиографична. Это поэтический человеческий документ — стихи чудом выжившего узника сталинской каторги... И он поёт своим творчеством хвалебный гимн Богу за всё ниспосланное Им:

Как Ты решаешь, так и надо.
Любою болью уязви.

Ты нас ведёшь на свет и радость
Путями скорби и любви.

Из рук Твоих любую муку
Покорно, Господи, приму.
С ребёнком смертную разлуку,
Темницу, горькую суму...

И если лягу без движенья,
Когда я буду слеп и стар,
Сподоби даже те мученья
Принять, как благодатный дар...»

(Соколов 1990: 101).

В основе его поэзии лежал опыт богопознания через созерцание Божьего мира и глубокое смирение. Уже в 1920-е годы он писал:

И душа, надёжно укрытая
В полевою пушистую мглу,
С мировым тайнодействием слитая,
Воссылает Богу хвалу...

Мне бы сердцем пожить, не умом,
Простотою, с неведеньем смежной...
Помяни меня в царстве Твоём,
Иисусе, печальный и нежный.

(Солодовников 1990: 86; 97).

Духовный переворот, в нём свершившийся, «второе рождение» своё для Вечности поэт передаёт так:

Вижу ризы Богородицы
В озареньи дня нездешнего,
Мне, нечистому, доводится
Подышать от вечно-вешнего.

В сладком ветре лоб и волосы,
И глаза блестят омытые,
Где-то плещут звуки Голоса,
Тайные и позабытые.

Дух мой жадно пьёт от вечности,
Тает тело невесомое.
Впредь не буду жить в беспечности,
Обращу ТУДА лицо моё.

(Солодовников 1990: 98).

Уже в 1930-е, в пору своих земных мытарств, он написал:

Кто не изведал боль потери
Безмерной, как пучина звёзд,
Тому в великой нашей вере
Ещё не драгоценен крест.

(Солодовников 1990: 99).

К концу жизни, уже в «благополучные» 1960-е, Солодовников в поэзии становится мыслителем — пишет о судьбе цивилизации. Вот его строки из цикла «Атомный век»:

Чем выше взлетают ракеты,
Тем дальше от Бога сердца.
Чем ближе до дальней планеты,
Тем явственней близость конца.

Единое всем на потребу —
Науку о Божьем пути
Заменим полётами в небо,
Но радости там не найти...

Мы вглубь космических загадок
Летим, как ведьма на метле,

Чтоб и на звёздах беспорядок
Устроить, как и на Земле.

(Солодовников 2010: 198).

Но наиболее важные его размышления о судьбе России. Несмотря на катастрофическую эпоху официального безбожия и гибели Церкви, он верил в будущее воскресение православного народа. В стихотворении «Святая Русь» он писал об этом так:

Мне задают вопросы злые,
В которых затаён укус:
— Ну, где ж извечная Россия?
— Ну, где ж она, Святая Русь?

Осталась лишь архитектура,
Но это — церкви без крестов
И древняя литература —
Набор полузабытых слов.

Остались древние иконы,
Но это мир эстетских глаз,
И выросли музеев зоны —
Приманка интуристских баз.

А я в ответ: — Побудьте в храме,
Под праздник, в тесноте людской,
В той давке выстоит часами
Подвижник только и герой.

Но посмотри: народ церковный
Стоит в жаре плечом к плечу,
Стоит, преобразуя словно
Одну горящую свечу.

Между старушками простыми
Стоят учёные мужи,

Живым усердием держимы,
В ком нет охоты — убежит.

Отсюда выводы большие
Я сделать радостно берусь:
— Вот где извечная Россия,
Вот где она, святая Русь!

Из церкви в храмовые двери
Бегут, плеская вдаль и вширь,
Потоки благодатной веры,
Оздоровляющие мир.

(Солодовников 2010: 212).

И это будущее воскресение православного народа он усматривал даже в то время. Вот стихотворение «На Пасхе» (1960-е):

Хоть он теперь не богомолен,
Наш заблудившийся народ,
И звон умолкших колоколен
Его к молитве не зовёт,

Но голос сердца изначальный
В его душе ещё звучит
И в светлый день первопасхальный
«Христос Воскресе» говорит.

Тогда, покорный древним силам,
В распах кладбищенских ворот
Идёт народ к родным могилам,
Идёт, идёт, идёт, идёт.

И на могилах теплит свечи,
И крошит хлеб, и кормит птиц,
И молится, и чаёт встречи
С заветным сонмом милых лиц.

Тот голос сердца не задушишь!
Его ничем не истребить!
И каждый, кто имеет уши,
Достоин веровать и жить.

(Солодовников 1990: 101).

Известный православный литературовед А. М. Любомудров в своей яркой статье «Поэзия Александра Солодовникова: эстетика и мировоззрение» писал о нём: «Уникальное во многих отношениях, самобытное слово поэта заслуживает дальнейшего обстоятельного, многоаспектного изучения и широкого введения в современный научный и читательский обиход. Его имя должно войти в образовательные программы высшей школы, занять подобающее место в трудах по истории русской культуры» (Любомудров 2020: 86).

Валентин Арсентьевич Никитин родился в 1947 году в Тбилиси и окончил филологический факультет Тбилисского университета. С 1973 года жил в Москве, работал редактором издательского отдела Московского Патриархата, а также был членом редколлегии журнала «Символ», издаваемого в Париже Славянской библиотекой. Автор многих статей в «Журнале Московской Патриархии», «Богословских трудах» и др. Стихи печатались в «Русской мысли», «Вестнике РХД», «Новом Журнале», в сборнике религиозной поэзии «Воскрешение» (М., 1989) и др. Опубликовал более 500 статей в светской и церковной печати о писателях, философах и религиозных деятелях, о проблемах духовной жизни. Был редактором 12 томов богослужебных «Миней Месячных» с жизнеописаниями русских и вселенских святых и автором серии книг о Патриархах Московских и всея Руси: «Святейший Патриарх Алексей II. Жизнь и деяния во славу Божию» (2009); «Наш Патриарх Кирилл. Вся жизнь и один год» (2010); «Патриарх Пимен. Путь, устремлённый к Христу» (2011); «Патриарх Алексей I. Служитель Церкви и Отечества» (2013).

Владыка Тихон (Шевкунов) сказал о В. А. Никитине: «Он всегда был и останется поэтом. Он принимал жизнь как поэт»³³. В предисловии к изданию его стихотворений 1990 года сказано: «Разговор души с Богом — глав-

³³ Пущаев Ю., Орлова О. «Валя принимал жизнь как поэт, и как поэт он принял смерть». Памяти Валентина Арсентьевича Никитина // Православие.ru. — 2017. — 6 октября. — URL: <http://www.pravoslavie.ru/106899.html> (дата обращения: 01.07.2023).

ное содержание его стихов, а молитва — наиболее естественное творческое состояние. Молитвенное чувство живёт в нём, как постоянное пламя, никогда не задуваемое порывами ветра... Валентин Никитин принадлежит к тем поэтам, для которых язык — форма прорыва в область первоначал. Он либо стёсывает его пласты в поисках первопричины:

при сотвореньи мира были те же
извечные начала — твердь и хлябь
и Божий Дух, носившийся над бездной
их горизонтом должен был разъять —

либо льнёт к нему, входя через молитву в его сокрытые пределы. И постоянно испытывает возможность языка коснуться той реальности, где неявленное становится видимым» (Андреева 1990: 6; 4–5). Приведём ряд ярких фрагментов из его стихотворений советского периода, дающих представление о специфике его поэзии:

о Господи! прости меня за всё
хотя за всё не может быть прощенья
пусть в рай врата закрыты на засов
засов греха с печатью отверженья
о Господи прости меня за всё.

(Никитин 1990: 49)

Как видим, талант В. Никитина раскрывается в молитвенных стихотворениях, отличающихся точной художественной передачей «внутреннего слова» православного человека:

помилуй нас грешных, Господь!
помилуй нас грешных!
уже наступает черёд
пожаров кромешных

и в сумерках смертного дня
дыхание дыма
я вижу: горят города
неслышно незримо

над гребнем летящей волны
витают злой гений!
и пульс — часовой тишины —
наш голос последний!

на папертях древних столиц
теснимся спасаясь
и чёрное пламя стоит —
но лиц не касаясь.

(Никитин 1990: 54).

Не менее сильны у В. Никитина и молитвенные медитации о судьбе человеческой души:

Сложила крылья бедная душа
Не ведая о мире запредельном
Куда она безвременно ушла?
Там вверх корнями тянутся деревья

там жизнь течёт к истоку своему
и в череде того что совершилось
душа в огне — чтобы явить огню
Господне всепрощение и милость.

гроб и цветы и слёзы сквозь туман
но ладан так торжественно курится
весы души взойдут на коромысла
и оросят росой небесных стран

(Никитин 1990: 59).

О мире как Божиим творении поэт говорит вдохновенными словами:

непостижная красота
ты поэтому благословенна
что безумием осенена
что свободна от смерти и тлена.

этот мир невозможно хорош
оттого что причастен иному
в незакатное счастье войдѣшь
умерев не за жизнь — за свободу

(Никитин 1990: 61).

Основное настроение поэзии В. Никитина — эсхатологическое: это переживание и предчувствие конечного исхода:

Чтобы душа — в иную даль,
К иной земле, иному небу!
Где невозвратного не жаль,
Где всё оставленное — небыль.

И над кругами девятью,
Не досягая сферы первой,
Зажечь незримую звезду —
Единственную во Вселенной.

(Никитин 1990: 49)

Вот как предощущается будущая смерть:

Предощущение покоя:
Как смерть легка! — издалека
Смотреть на небо голубое
И как плывут в нём облака.

И в предначатии блаженства
Томится память, сердце ждёт,
Но, может быть, за небом — бездна
Свои объятья распахнёт?

(Никитин 1990: 51)

А вот самое главное и высшее в этой жизни:

Упаду у подножья,
У Креста Твоего —
И не надо мне больше
Ничего-ничего.

(Никитин 1990: 59)

Поэзия В. Никитина — это выражение самых высших озарений человеческого ума во время молитвы.

Заслуживает признания как оригинальный православный поэт Сергей Сергеевич Аверинцев (1937–2004) — один из известнейших филологов второй половины XX века, академик и вообще «знаковая» личность позднесоветской эпохи. (Об этом лучше всего написал С. Г. Бочаров в статье «Аверинцев в нашей истории» (Бочаров 2012).) Книга С. С. Аверинцева «Поэтика ранневизантийской литературы» (1977) уже стала классикой науки. Открытием С. С. Аверинцева в поэзии считается возвращение к тоническому стиху-медитации по образцу византийских церковных песнопений. Вместе с тем у него есть и стихи, написанные в классическом стиле поэтов XIX века, например:

Неотразимым острием меча,
Отточенного для последней битвы,
Да будет слово краткое молитвы
И ясным знаком — тихая свеча.

Да будут взоры к ней устремлены
В тот недалёкий, строгий час возмездья,
Когда померкнут в небесах созвездья
И свет уйдёт из солнца и луны.

(Аверинцев 2001: 12).

Христианский неоромантизм очень хорошо воплощён и в его стихотворении «Молитва Клауса фон Дер Флюэ» (1980):

Сколько душе ни томиться
В мире глухом и немом,
Не перестанет птица
Бить о клетку крылом,
Не перестанет море
Бить о берег волной —
Ascoltaci, o Signore,
Abbi pieta di noi!⁴⁴

Сколько волнам ни кружиться,
Выпьют пену пески,
Что знают море и птица,
Кроме своей тоски?
Сам же с собою в споре,
Не я ли — мой ад земной?
Ascoltaci, o Signore,
Abbi pieta di noi!

Твою утвердивший сушу
На самых хлябях тоски,
Избавь мою бедную душу
Из моей же руки;
И ляжет зеркалом море,
И встанет с одра больной —
Ascolitaci, o Signore,
Abbi pieta di noi!

(Аверинцев 2001: 31).

Исследователь П. Е. Бухаркин в статье «Поэзия С. С. Аверинцева как альтернатива классической традиции в русской литературе» писал: «Сам Аверинцев соотносил собственные стихотворения с различными (и крайне неопределёнными) жанрами — молитвой, песнью, нозлем. Однако он предлагает и общее жанровое их определение — “духовные стихи”... Свои тонические опыты Аверинцев возводил не столько к русской почве, сколько к библейской поэзии» (Бухаркин 2018: 629; 631).

⁴ Услышь, Господи, будь милостив к нам! (*итал.*)

Возвращение к строю раннехристианской тонической поэзии было очень удачным. В стихотворении 1986 года, предваряемом эпиграфом из св. Исаака Сирина: «Говорю же вам, что наказуемые в Геенне поражаемы бичом любви», — читаем:

«Другие — это Ад»; так правду Ада
Ад исповедал...
Ум! Пойми: в Другом,
во всяком, кто другой, во всяком, кто
не я, меня встречает непреложно
Единый и Единственный — услышь,
Израиль! — и отходит непреложно
к Его единству, и превыше всех
обособлений, разделений — то,
что отдано другому: хлеб — и камень,
любовь — и нелюбовь. И пусть их тьмы
неисчислимы и толпы, этих
других; и пусть земному чувству близость
есть теснота, и мука тесноты, —

Себя отречься Он не может: другу —
и Друг, и Дружество; для нелюбви —
воистину Другой. Любовь сама —
неотразимый, нестерпимый огонь,
томящий преисподнюю. Затвор
блаженной неразлучности — Геенне
есть теснота, и мука тесноты.

Другой — иль Друг; любой — или Любимый —
враг — или Бог. Не может Бог не быть,
и всё в огне Его любви, и огонь
один для всех, — но Аду Бог есть Ад.

(Аверинцев 2001: 43).

По своему строю и стилю это стихотворение очень похоже на тексты песнопений, написанных святыми отцами Церкви и вошедших в церковный канон. Такие поэтические медитации — главное открытие

С. С. Аверинцева. Их тематика разнообразна — в том числе это и мистическое видение поэтом новейшей русской истории. Примером может служить стихотворение «Молитва на кремлёвском холме», предваряемая эпитафией: «Вы приняли скинию Молоха и звезду бога нашего Ремфана (Амос 5, 26; Деяния 7, 43)»:

Злая звезда Ремфана,
поставлена на месте святе,
бездны пристальное око,
рдеющий уголь гееннский,
зазубрины, что сердце ранят,
скверна в очах Господних,
зрак начальной гордыни,
точное Денницы подобье!
Знаю твои загадки,
твою немощную дерзость,
ни рабски, ни с пристрастием гнева,
мои очи на тебя не взглянут;
есть сила на твою силу,
на твои заклания клятва,
превыше твоей гордыни,
глубже твоей преисподней.
Противу зубцов изострѣнных —
пять ран распятого Тела,
и токи Крови Христовой
растопят твоё обличье,
и сердечной молитвы слёзы
рдение твоё угасят,
и прейдёшь ты, как сон и морок,
и места твоего не сыщут.

(Аверинцев 2001: 51).

Одно их высших достижений Аверинцева как поэта — это его стихотворение «Молитва о последнем часе»:

...Когда мысль в безмыслии утонет,
когда воля себя потеряет,

когда я имя моё позабуду —
Твоё да будет со мною Имя.

Когда речам скончанье настанет
и язык, глаголавший много,
закоснеет в бессловесности гроба —
Твоё да будет со мною Слово.

Когда всё минет, что мнилось,
сновидцу наяву снилось,
и срам небытия обнажится —
Пустоту мою исполни Тобою.

(Аверинцев 2001: 36).

Если С. С. Аверинцев был представителем научной среды и достиг уровня классиков в качестве учёного, то в православной поэзии этого периода были и «народные самородки», в частности Елена Олеговна Пудовкина, которая родилась в 1950 году в Ленинграде, внучка репрессированных востоковедов — М. И. Тубянского и Н. А. Черняк. В школьные годы она занималась в литературном клубе «Дерзание» при Дворце пионеров. Тогда же состоялась её первая публикация — в газете «Смена». После школы Пудовкина окончила геологические курсы и несколько лет работала техником-геологом. Бывала в экспедициях под Салехардом, под Воркутой, в Казахстане. С начала 1970-х она работала библиотекарем, затем — экскурсоводом, ездила с группами на Валаам, по Волге и в Прибалтику. Пудовкина публиковала переводы эвенских, ненецких и др. поэтов народов Севера. С 1980 года работала в котельной, куда её привёл поэт Олег Охапкин. В тот период состояла в браке с арестованным КГБ Вячеславом Долининым и дружбе с другими диссидентами. В этот период большую роль в её духовном становлении сыграл прот. Павел Адельгейм (1938–2013). После ряда допросов Е. Пудовкиной КГБ выпустил постановление о запрете её стихов на территории СССР из-за их религиозного содержания (она узнала об этом уже только в годы перестройки, когда оно было опубликовано в журнале «Звезда»).

В 1986–1987 годах Пудовкина жила в г. Усинске Коми АССР, где отбывал ссылку муж. В тот же период, благодаря О. Охапкину, стала

получать письма из Мельбурна от эмигрантов «первой волны» из братства «Православное дело». Они издали её книгу стихов в 1990 году в Австралии. Занималась переводами английских сказок, а с 1993 года перестала работать в котельной, стала журналисткой (в газетах «Час пик», «Профессия», журнале «Пчела» и др.), вступила в Союз журналистов. В Самиздате публиковалась в журналах «Обводный канал», «Часы», «Выбор» и др., за рубежом: журнал «Грани», «Гумилёвские чтения» и др. В 1981 году десять её стихотворений были опубликованы в журнале «Вестник русского христианского движения». С начала 1990-х публикации в журналах «Звезда», «Знамя», «Новый мир», «Нева», «Истина и жизнь», альманахе «День поэзии» и др. Стихи входят в различные антологии и сборники. Её произведения переведены на немецкий, сербский и грузинский языки. Живёт в Санкт-Петербурге.

В публикации 1981 года в «Вестнике РХД» заслуживает особого внимания стихотворное переложение Е. О. Пудовкиной псалма 11-го:

Спаси меня, Господи, ибо вокруг — ни души.
 Ближайшему каждый солжёт и того не заметит,
 Нет верных меж нами. И велеречивейшей лжи
 расправлены сети.
 Не знаю — когда, но я знаю: Господь истребит
 Позорящих слово, владеющих страшной наукой
 Слова сопрягать, чтобы нищие души ловить
 приманкою звука.
 Слова Твои, Господи, чистые, как серебро,
 От рода сего сохрани, переплавить не дай на монеты.
 Где низкий возвысится — в мышь превратится герой.
 И правых здесь нету.

(Пудовкина 1981: 123)

В этом переложении удивительным образом текст псалма, очень близкий к оригиналу, стал исповедью человека XX века. Понимание слова поэта как дара Божия она дала в стихотворении 1978 года:

Не так ли и слова, упав с небес
 В колючих строк непроходимый лес,

Мгновенья ждут, чтоб обернуться птицей,
Чтоб голубем взлетая над столом
С зелёной веткой в клюве золотом —
С живою вестью в клюве возвратиться⁵⁵.

Яркой передачей внутреннего сознания православного человека является такое стихотворение из сборника «Собрание вод»:

Не жизнь идёт, но длится черновик,
И старые листы изгрызли мыши.
Ночь не поёт — срывается на крик,
И этого уже не перепишешь.

О чём-то жизнь должна повествовать, —
Листая наши, всякий возмутится:
О вечности не кончена глава,
А о любви заплакана страница,

И с Богом договору вышел срок.
Оглянешься: ошибки, сноски, пятна...
Но если кто читает между строк,
То мы с тобой спасёмся, вероятно⁶⁶.

Удивительной проникновенностью и точностью отличается эта поэтическая исповедь об обращённости современной души к Богу:

А если так — то мы идём с дарами
К Тебе на Рождество, с волхвами и царями
Смешавшись. Но, смутясь, скажу: Прости!
Прости нас, Боже, мы пришли оттуда,
Откуда и пойти-то было — чудо.
Наш дар — он весь — в горсти.

(Пудовкина 1981: 122)

⁵ «Вся жизнь умещается...» Поэзия Елены Пудовкиной // Дневник Ольги Влади. — 2015. — 1 октября. — URL: <https://www.liveinternet.ru/users/olga-vladi/post373098012/> (дата обращения: 12.09.2023).

⁶ Там же.

«Цветаевская» стилистика в этом стихотворении очень уместна. Она всегда хороша там, где нужно передать поэзию спонтанной речи. В данном случае это «нечаянная радость» обретения душой Христа.

В статье «Религиозные мотивы в современной русской поэзии» С. Г. Стратановский так характеризовал её: «Пудовкину привлекает в псалмах не только их высокие поэтические достоинства, но прежде всего выраженное с исключительной силой личное, духовно-напряжённое отношение человека к Богу. Она не следует тексту псалмов буквально, а берёт у ветхозаветного псалмопевца то, что близко нашему времени и ей самой <...> Здесь <...> мысль о владении словом как “страшной наукой”, наукой, знатоками которой в равной степени могут быть как лжец-идеолог, так и поэт» (Стратановский 1993: 144). Ю. Валиева в статье ««Поблёскивает воздух Рождества...» О поэте Елене Пудовкиной» справедливо отмечала: «Для поэзии Пудовкиной не характерны образцы чистой лирики. Сюжетность, а порой и повествовательность её стихов обусловлены авторской установкой на притчевость, с этим связано и использование приёмов парадокса и метаморфозы... Среди тем, проходящих через всё творчество Е. Пудовкиной, одна из наиболее значимых — тема веры как духовного подвига. Её зарождение поэт относит к 1968–69 гг., когда во время геологической экспедиции, под Салехардом, она увидела кладбище заключённых» (Валиева 2014: 113; 115). Эта тема отражена в её стихотворении «О новомучениках» (1988):

Были и те, чей единственный след — это свет
Над мерзлотою, над тундрой, где мощи хранятся.
На деревянных табличках ни даты, ни имени нет —
Будут теперь номера вписаны в святцы.

(Валиева 2014: 115).

Преображение тварного бытия благодатью Божией является главным символом и смыслом поэзии Е. Пудовкиной:

Одна трава, чуть слышная, в пыли
На кучу мусора вскарабкалась вдали
И наугад бредёт к Преображенью.

(Пудовкина 1981: 122).

В более позднем стихотворении Е. Пудовкина проникновенно передала своё мистическое видения мира Божиего как воплощения Евангельской Вести в самом бытии всех живых существ:

Евангелие от кошек и жуков,
От птиц, деревьев, камня на дороге.
С звездой, светящей в глубине веков,
И к ним пришла благая весть о Боге.

Свидетельства сохранены везде,
Во всех языцах, странах, поколениях.
Сухие ветви к небесам воздев,
Становятся деревья на колени.

Они уйдут в небесные сады,
Где звери, птицы и апостол-камень,
А для людей останутся следы,
Начертанные лёгкими крылами.

(Пудовкина 2013: 45)

Это стихотворение можно считать очень хорошим комментарием к словам Псалмопевца: «Небеса проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещает твердь» (Пс. 18:1).

Стоит отметить, что в советский период начинали писать и многие другие православные поэты, которые стали известны позже, после 1991 года, например иеромонах Роман (Матюшин, р. 1954). Сейчас вышло около 30 его стихотворных сборников, его стихи переведены на английский, белорусский, болгарский, польский, сербский и др. языки. Отец Роман стал лауреатом нескольких литературных премий. Впрочем, по художественной ценности его творчество явно уступает рассмотренным здесь авторам, хотя уже и стало подлинно народным. Его стихи исполняются как песни бардами и хорами, цитируются в разных случаях. Отметим здесь его стихотворение «Чему нас осень поучает», обозначенное ноябрём 1969 года — то есть написанное, когда его автору было 15 лет. В нём есть такие строфы:

Поблекла красота смеющейся природы,
Умчалась сладкая пора неведомо куда,
Не прячутся в кустах пернатых хороводы,
Таит печаль в реке текущая вода...

Ты, Боже, учишь нас, чтоб мы не забывали
В кругу сует святую даль небес;
Что всё здесь временно, вот нам напоминают:
Поля, луга и обнажённый лес!

Велик Господь, дивны Его творения,
Во всём могущество, премудрость, простота,
Всё уверяет нас в грядущем Воскресении
Ради святых заслуг безгрешного Христа⁷.

Стилистически юный автор являлся явным последователем А. А. Фета и И. А. Бунина, что полностью соответствует общей тенденции неоклассики в современной русской православной поэзии.

Общий принцип поэтики рассмотренных здесь авторов очевиден: это молитвенно-исповедальное слово, стремящееся к максимальной непосредственности, незамысловатости и первозданности, сознательно преодолевающей «литературность», особенно навязчивую для людей XX века. В свою очередь, анализ показывает, что именно благодаря этому стремлению к первородности слова, оно вдруг оказывается далеко не таким простым, как кажется на первый взгляд. Оно несёт в себе не только глубинные смыслы самой православной веры, но и глубинную традицию христианской «книжности» в хорошем смысле этого слова. Это живая преемственность с текстами предшественников не только вплоть до древнерусского и византийского наследия, но и попытка воспроизводить дух самого евангельского слова, насколько это вообще в человеческих силах.

Если же посмотреть на феномен православной поэзии советского периода в рамках традиционного вопроса о её «главных идеях», т. е. о том, какое особое видение бытия она открывает читателю, то на этот вопрос можно ответить следующим образом. Это не поэзия неофитов — рассмотренные поэты выразили в своих текстах уже итог пройденного духовного

⁷ Иеромонах Роман. Стихи (1999) // Тропинка к храму. — URL: <http://tropinka.orthodoxy.ru/zal/poezija/roman/roman-4.htm> (дата обращения: 14.06.2023).

пути, который принёс свои плоды. И в этом итоге остро выразилось потрясение человека открывшимся ему евангельским откровением как личным опытом, которому препятствовало всё вокруг — то есть сам этот опыт познания Христа был чудом, которое уже «автоматически» подтверждало и реальность всех других чудес, о которых повествует и Священное Писание, и христианская история.

В свою очередь, внутри этого опыта личного чуда как главного содержания этой поэзии можно выделить две смысловые доминанты: опыт восприятия благодати и ощущения «близости Бога»; опыт нового видения бытия — как преображающегося и уже причастного вечности. Эта радость веры явно доминирует над ощущением тяжести своей греховности, покаянным настроением и опытом смирения. Такие доминанты делают эту поэзию особенно ценной в качестве важного источника передачи опыта веры современным людям.

В своё время итог русской православной поэзии классического периода был подведён в книгах В. Н. Ильина «Арфа Царя Давида в русской поэзии» и Б. Н. Ширяева «Религиозные мотивы в русской поэзии», вышедших в 1960 году в русском зарубежье. Теперь мы можем дополнить этот итог и «подпольными» поэтами советской эпохи. Давно уже назрел пересмотр русского литературного канона, который достался нам от секулярной и атеистической эпохи. В этом каноне центральное место должны занимать православные авторы.

Опыт православной поэзии советского времени уникален и очень ценен — ему нет аналогов в истории, ибо христиане первых веков — периода гонений и мученичества — почти не оставили нам стихов. Этот «пробел» восполнил страшный XX век. Вместе с тем по жестоким условиям времени православная поэзия XX века не богата сильными авторами. Тем не менее, по крайней мере, те четыре поэта, которые кратко рассмотрены в данной статье, безусловно, войдут в историю русской литературы. Но их главная ценность даже не в этом, а в том бесценном опыте духовного пути в пустыне безбожия, который они передают в будущее, нуждающееся в этом опыте не меньше нас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Аверинцев С. С. Стихи духовные. — Киев : Дух и Литера, 2001. — 86 с.

Андреева В. Сумерки смертного дня // Сумерки смертного дня: Избранные стихотворения / В. Никитин. — Париж : Ymca Press, 1990. — С. 4–7.

Бочаров С. Г. Аверинцев в нашей истории // Генетическая память литературы. — М. : РГГУ, 2012. — С. 269–276.

Бухаркин П. Е. Поэзия С. С. Аверинцева как альтернатива классической традиции в русской литературе // Вестник СПбГУ. Язык и литература. — 2018. — Т. 15. — Вып. 4. — С. 625–637.

Валиева Ю. «Поблёскивает воздух Рождества...». О поэте Елене Пудовкиной // Поэзия. Russian Poetry. Past and Present. — 2014. — № 3. — С. 107–116.

Данилов Е. Об Александре Солодовникове — поэте и человеке // Поэзия: Альманах. Вып. 56. — М. : Мол. гвардия, 1990. — С. 92–96.

Даренская В. Н. Борис Садовской — мыслитель-традиционалист Серебряного века // Тетради по консерватизму. — 2023. — № 2. — С. 120–139.

Даренский В. Ю. Поэзия и философия: два вида экзистенциальной памяти // Международный журнал исследований культуры. — 2012. — № 1 (6). — С. 34–40.

Золотых Ю. Н. Воцерковлённый тип художественного сознания в поэтическом мире И. Шаховского и А. Солодовникова // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. — 2013. — № 4. — С. 142–146.

Колымагин Б. Ф. Русская религиозная поэзия 1960–1980-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. — М. : РУДН, 2019. — 206 с.

Комарова И. В. Духовная поэзия А. Солодовникова: художественное время и пространство: дис. ... канд. филол. наук. — Воронеж : ВГУ, 2017. — 201 с.

Котова Н. А. Современная духовная поэзия: дис. ... канд. филол. наук. — М. : МГОУ, 2008. — 202 с.

Любомудров А. М. Поэзия Александра Солодовникова: эстетика и мировоззрение // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 2. — С. 78–87.

Меркулова Т. И. Преображение жизни и творчества. О современной духовной поэзии // Литературное обозрение. — 1992. — № 7–9. — С. 96–99.

Никитин В. Сумерки смертного дня: Избранные стихотворения. — Париж : Ymca Press, 1990. — 66 с.

Пастернак Б. Л. Доктор Живаго // Полное собрание сочинений : в 11 т. — М. : Слово/Slovo, 2004. — Т. 4. — 760 с.

Пудовкина Е. Стихи // Звезда. — 2013. — № 3. — С. 41–47.

Пудовкина Е. Стихи // Вестник русского христианского движения. — 1981. — № 134. — С. 119–123.

Соколов Н. Воспоминания над могилой поэта // Поэзия: Альманах. Вып. 56. — М. : Мол. гвардия, 1990. — С. 101–105.

Солодовников А. А. «В светлом саду христианства». — М. : Гриф и Ко, 2010. — 1064 с.

Солодовников А. Стихи // Поэзия: Альманах. Вып. 56. — М. : Мол. гвардия, 1990. — С. 96–101.

Стратановский С. Г. Религиозные мотивы в современной русской поэзии. Статья третья // Волга. — 1993. — № 6. — С. 141–152.

Шрейдер Ю. А. Свет глубин. Духовная поэзия Зинаиды Миркиной // Литературное обозрение. — 1990. — № 11. — С. 43–45.

Сведения об авторе:

Даренский Виталий Юрьевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философии, Московский государственный университет технологий и управления имени К. Г. Разумовского (Первый казачий университет), 109004, Россия, Москва, ул. Земляной Вал, 73, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 27.05.2023.

V. Yu. Darenskiy

K. G. RAZUMOVSKY MOSCOW STATE UNIVERSITY OF TECHNOLOGIES AND MANAGEMENT
(THE FIRST COSSACK UNIVERSITY),
MOSCOW, RUSSIA

Orthodox Poets of the Soviet Era: Aleksandr Solodovnikov, Vasily Nikitin, Sergey Averintsev, Elena Pudovkina

Abstract. The article explores the work of Orthodox poets during the Soviet era, particularly focusing on Aleksandr Solodovnikov, Vasily Nikitin, Sergey Averintsev, and Elena Pudovkina. It formulates a general principle of the poetic style of these authors as the principle of soul, word, and world transformation, realized through prayerful and confessional expressions. The distinctive feature of the resurging Orthodox poetry in the 20th century primarily lay in its pursuit of maximum immediacy, simplicity, and originality, deliberately transcending “literariness,” which was particularly burdensome for individuals of the 20th century. In turn, the analysis reveals that due to this aspiration for the primacy of the word, it unexpectedly proves to be far more complex than it appears at first glance. It carries not only profound meanings of Orthodox faith but also the deep tradition of Christian “literariness” in the best sense of the term—an active continuity with the texts of predecessors, reaching back to ancient Russian and Byzantine heritage. Moreover, it strives to reproduce the spirit of the Gospel’s word, as far as it is humanly possible. Literary creation for an Orthodox person is justified and beneficial only when it constitutes a part of their spiritual self-improvement and transmits the experience of this work to others. It represents the work of soul transformation by the grace of God, captured in the word. Spiritual

poetry is traditional not only in content but also in form, oriented toward classical poetry of the 19th century as its model. In cases when it diverges from this model, it does not tend toward the modernism of the 20th century but, conversely, delves into the deep archaism of the early centuries of Christianity, sometimes directly aligning with the structure of the Gospel's word and canonical church hymns. This is logical since the breakdown of classical poetic structure in the 20th century was a consequence of secularization—the de-spiritualization of the world and language. Accordingly, the reverse process inevitably led to the revival of the style of classical poetry and even its earlier form—the church poetry.

Keywords: Orthodoxy, poetry, Aleksandr Solodovnikov, Vasily Nikitin, Sergey Averintsev, Elena Pudovkina

For citation: Darenskiy, V. Yu. (2023). Orthodox Poets of the Soviet Era: Aleksandr Solodovnikov, Vasily Nikitin, Sergey Averintsev, Elena Pudovkina. *Orthodoxia*, (2), 136–169. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2023-2-136-169

REFERENCES:

Andreeva, V. (1990). *Sumerki smertnogo dnia* [Twilight of the Day of Death]. In V. Nikitin *Sumerki smertnogo dnia: Izbrannye stikhotvoreniia* [Twilight of the Day of Death: Selected Poems] (pp. 4–7). Paris: Ymca Press. [In Russian].

Averintsev, S. S. (2001). *Stikhi dukhovnye* [Spiritual Poems]. Kiev: Dukh i Litera. [In Russian].

Bocharov, S. G. (2012). Averintsev v nashei istorii [Averintsev in Our History]. In *Geneticheskaia pamiat' literatury* [Genetic Memory of Literature] (pp. 269–276). Moscow: RGGU. [In Russian].

Bukharkin, P. E. (2018). Poeziia S. S. Averintseva kak al'ternativa klassicheskoi traditsii v russkoi literature [Poetry of S. S. Averintsev as an Alternative to the Classical Tradition in Russian Literature]. *Vestnik SPbGU. Iazyk i literature*, 15(4), 625–637. [In Russian].

Danilov, E. (1990). Ob Aleksandre Solodovnikove — poete i cheloveke [About Alexander Solodovnikov — Poet and Man]. In *Poeziia: Al'manakh. Vyp. 56*. [Poetry: Almanac. Vol. 56] (pp. 92–96). Moscow: Mol. gvardiia. [In Russian].

Darenskaya, V. N. (2023). Boris Sadovskoi — myslitel'-traditsionalist Serebrianogo veka [Boris Sadovskoy — a Traditionalist Thinker of the Silver Age]. *Tetradi po konservatizmu*, 2, 120–139. [In Russian].

Darenskiy, V. Iu. (2012). Poeziia i filosofii: dva vida ekzistentsial'noi pamiati [Poetry and Philosophy: Two Types of Existential Memory]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovani kul'tury*, 6(1), 34–40. [In Russian].

Kolymagin, B. F. (2019). *Russkaia religioznaia poeziia 1960–1980-kh gg.* [Russian Religious Poetry of the 1960–1980s] [Dissertation of Candidate of Philological Sciences]. Moscow: RUDN. [In Russian].

Komarova, I. V. (2017). *Dukhovnaia poeziia A. Solodovnikova: khudozhestvennoe vremia i prostranstvo* [Spiritual Poetry of A. Solodovnikov: Artistic Time and Space]. [Dissertation of Candidate of Philological Sciences]. Voronezh: VGU. [In Russian].

Kotova, N. A. (2008). *Sovremennaia dukhovnaia poeziia* [Modern Spiritual Poetry]. [Dissertation of Candidate of Philological Sciences]. Moscow: MGOU. [In Russian].

Liubomudrov, A. M. (2020). Poeziia Aleksandra Solodovnikova: estetika i mirovozzrenie [Poetry of Alexander Solodovnikov: Aesthetics and Worldview]. *Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly*, 2, 78–87. [In Russian].

Merkulova, T. I. (1992). Preobrazhenie zhizni i tvorchestva. O sovremennoi dukhovnoi poezii [Transformation of Life and Creativity. On Modern Spiritual Poetry]. *Literaturnoe obozrenie*, 7–9, S. 96–99. [In Russian].

Nikitin, V. (1990). *Sumerki smertnogo dnia: Izbrannye stikhotvoreniia* [Twilight of the Day of Death: Selected Poems]. Paris: Ymca Press. [In Russian].

Pasternak, B. L. (2004). Doktor Zhivago. In *Complete works in 11 volumes* (Vol. 4). Moscow: Slovo/Slovo. [In Russian].

Pudovkina, E. (1981). Stikhi [Poems]. *Vestnik russkogo khristianskogo dvizheniia*, 134, 119–123. [In Russian].

Pudovkina, E. (2013). Stikhi [Poems]. *Zvezda*, 3, 41–47. [In Russian].

Shreider, Iu. A. (1990). Svet glubin. Dukhovnaia poeziia Zinaidy Mirkinoi [Light of the depths. Spiritual poetry of Zinaida Mirkina]. *Literaturnoe obozrenie*, 11, 43–45. [In Russian].

Sokolov, N. (1990). Vospominaniia nad mogiloi poeta [Memories Over the Poet's Grave]. In *Poeziia: Al'manakh. Vyp. 56*. [Poetry: Almanac. Vol. 56] (pp. 101–105). Moscow: Mol. gvardiia. [In Russian].

Solodovnikov, A. (1990.). Stikhi [Poems]. In *Poeziia: Al'manakh. Vyp. 56*. [Poetry: Almanac. Vol. 56.] (pp. 96–101). Moscow: Mol. gvardiia. [In Russian].

Solodovnikov, A. A. (2010). “*V svetlom sadu khristianstva*” [“In the Bright Garden of Christianity”]. Moscow: Grif i Ko. [In Russian].

Stratanovsky, S. G. (1993). Religioznye motivy v sovremennoi russkoi poezii. Stat'ia tret'ia. [Religious Motives in Modern Russian Poetry. Article Three]. *Volga*, 6, 141–152. [In Russian].

Valieva, Iu. (2014). “Pobleskivaet vozdukh Rozhdestva...” O poete Elene Pudovkinoi [“The Air of Christmas Sparkles...”]. About the Poet Elena Pudovkina]. *Poeziia. Russian Poetry. Past and Present*, 3, 107–116. [In Russian].

Zolotykh, Iu. N. (2013). Votserkovlennyi tip khudozhestvennogo soznaniia v poeticheskom mire I. Shakhovskogo i A. Solodovnikova [Churched Type of Artistic Consciousness in the Poetic World of I. Shakhovsky and A. Solodovnikov]. *Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta*, 4, 142–146. [In Russian].

About the author:

Vitaliy Yurievich Darenskiy — Doctor of Philosophical Sciences, Head of the Department of Philosophy, K. G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (the First Cossack University), 73, Zemlianoi Val str., Moscow, Russia, 109004, e-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 13.04.2023; approved after reviewing 12.05.2023; accepted for publication 27.05.2023.